

Савелий Баргер

*В следующем
году
в Иерусалиме*

Рассказы и миниатюры

Савелий Баргер

В следующем году в Иерусалиме

«Издательские решения»

2015

Баргер С. И.

В следующем году в Иерусалиме / С. И. Баргер — «Издательские решения», 2015

Сборник рассказов, в котором переплетаются современность и прошлое, реальность и фантазии. Знаменитые мудрецы из Хелма (Хелмер хахамим) задают вопросы своему ребе... В миниатюрах гвозди и телеграфные столбы, и даже камни рассказывают о себе и делятся своими мыслями.

Содержание

Иерушалаим и другие	6
Котенок	6
Мазл тов, Иерушалаим!	8
Лавка времени	12
Рабби Гирш бар Гроим из Таллина	14
Знакомство	16
Йезус Крестус	18
Погромы	21
Счастливые люди	32
Длинный летний день	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

В следующем году в Иерусалиме
Рассказы и миниатюры
Савелий Иосифович Баргер

© Савелий Иосифович Баргер, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Иерусалаим и другие

Котенок

В маленьком доме старого Ицхака пахло старостью и пустотой. Невыразимо густые запахи: немного мочи и много грусти, смешанные с запахами несчастья и пыли, запахи, которые моментально поселяются там, откуда уходит женщина. Жена Ида ушла – скоро будет уже два года, хоть и была она на два года моложе. Ушла легко, во сне, не мучая себя и мужа. Детей у Ицхака и Иды к её смерти уже не было. Сразу после свадьбы она исправно рожала, но дети умирали, не прожив и года, двух мальчиков не успели даже обрезать, умерли сразу после родов. Удалось вырастить двух сыновей, но первенца Давида забрали в солдаты, послали на Кавказ, где он и погиб в штыковой атаке на какой-то аул. Сендер вырос, но Богу было так угодно, чтобы умер он от ран, полученных от хулиганов во время погрома, а их, погромов, в год смерти царя Александра было достаточно. Нет, старый Ицхак не гневил Б-га жалобами, он только задавал вопросы, обращая их непонятно к кому «Зачем?» и «Почему именно я?»

Еще мальчишкой родители отдали Ицхака в обучение к портному Лейбушу, где Ицхак между работой по кухне и качанием колыбелек научили шить сюртуки и лапсердаки. Вот только уже лет двадцать он не шил ни одной новой вещи, только изредка перелицовывая и подгоняя одежду под рост – лапсердак в семье носится долго, переходя от деда к внуку. Что так? Почему перестал шить? Глаза уж не те стали, по часу нитку в иголку мог вставлять, руки дрожать начали – иголку уронит на пол, ищи ее потом. Началось это у Ицхака потихоньку, исподволь, как получили они с Идой письмо от начальников бедняги Давида. И ведь можно подумывать, что еврею из Хелма были какие-то дела до того горного аула и живущих там горцев, гори оно все огнем и синим пламенем!

Получал Ицхак очень даже небольшой пенсион за погибшего в атаке сына, пенсион небольшой и совсем нерегулярный, то ли военному министру деньги Давида были нужнее, то ли министру почты – Ицхак не разбирался и идти разобраться не собирался. Хватит с него того, что один вид полицейского или жандарма наводил на старика трепет, а чтоб придти и задавать вопросов – так совсем нет, спасибо вам за такой нахес!

Приходили в домик к старику жена хелмского раввина, ее дом стоял через два дома отсюда, да иногда Малка, соседка из дома напротив заходила. Помоют женщины полы в доме, сварят старику молочной лапши, заставят съесть ее при них. А сам Ицхак ничего не готовил, да и то, что ему сварят женщины, не всегда съедал – забывал.

Если раньше, когда Ида еще жила, каждый шабес ходил он в синагогу, надевал филактерии, покрывал голову талесом, теперь если только кто-то зайдет за ним утром, старик покорно поплетется следом. Да что уж там говорить, если в баню он ходил совсем не каждую неделю, а умываться и зубы чистить часто забывал! Скажите, можно жить на свете, если интереса к жизни совсем не стало?

Осень, совсем уже осень. Дождь мелкий, холодный, сеет с ночи, не дай Б-г идти по такой погоде по каким-то делам. Среди шума дождя какой-то посторонний звук, как будто кто-то жалуется на жизнь, на судьбу. Сколько уже можно, даже лежать на кровати – любимое занятие Ицхака последнее время, он и ложился, не раздеваясь – невозможно! Да еще собака соседская лает, мешает молитву прочитать по памяти. Встал Ицхак с постели, кряхтя, прошелся по комнате. Холодно, но печь растопить так нет желания. К чему? Пусть у себя дома топит печь тот, кому жизнь тяжела, но не в тягость.

А снаружи всё жалуется на жизнь своими стонами, собака разорется. Она, конечно, дура несусветная, но старик вышел на крыльцо. Вейз мир, из-под крыльца вылез намокший

котенок, максимум два месяца ему. Вылез – и к ногам Ицика подошел, мяукать перестал – сил не стало или верит, что человек ему чем-то поможет? Собака словно взбесилась, так лает. Ицик котенка взял на руки и зашел в дом. Старой рубахой обтер котенка, положил его на кровать, пошел печку растопить.

Дрова занялись, запах дыма в комнате разбавил запахи одиночества и запустения, обещая тепло. Взял Ицхак котенка на руки, сердечко маленькое стучит часто, сам доверчиво жметя и «разговаривает» со стариком. Ну что тут поделаешь, надел старик старый лапсердак, накрыл голову от дождя рогожкой и пошел к соседу – молока попросить стакан, да хотя бы кусок свежего хлеба, дома ведь и корки сухой не найти.

Мазл тов, Иерушалаим!

Шоссе из Тель-Авива в Иерусалим оставило латрунский монастырь справа и потянулось среди светло-желтых скал. Проехать в Иерусалим мимо монастыря в Латруне невозможно. Обязательно надо остановиться, чтобы навестить монастырский магазинчик. Улыбчивый монах в коричневой сутане, подпоясанный веревкой, с ловкостью профессионального лавочника упакует вам бутылку великолепного латрунского бренди, предложит мед и варенье. Бренди – из монастырского виноградника, варенье из собственного сада, мед от латрунских пчел. Купить это все где-нибудь еще невозможно. Покупайте, пробуйте. Здесь, в монастыре вам не будут предлагать щепки от ковчега старика Ноя или масло оливы, высаженной Иисусом Навином.

Первый раз в Иерусалиме, а совсем недавно побывать в нем – словно слетать на Луну. На Луну даже легче. Пройдя туристическими маршрутами по городу царя Давида, я приехал на смотровую площадку. Иерусалим расположен среди скал, смотришь на город сверху вниз, как будто заглядываешь в чайную пиалу, скалы противоположного склона видны, если нет тумана. Город внизу словно залит густым, как оливковое масло, воздухом. Маленький пятючок – пространство между Храмом Гроба Господня, Западной стеной Храма, мечетями Омара и Аль-Акса. Здесь Иисус был распят и вознесен, здесь приносил жертвы Соломон и заправлял светильник Маккавей, здесь Мохаммед привязал своего крылатого осла Борака перед тем, как подняться на небо для беседы с Аллахом. Христиане направо – к Храму, иудеи налево, к Стене Плача, мусульмане проходят к мечети по переходу сверху.

Старый город, мечети, христианские храмы, новые городские кварталы, прорезанные широкими улицами и проспектами. Воздух в этой «чашке» города густой, насыщенный энергией, над ним стоит марево, словно над кастрюлей с кипящим бульоном. Новостройки мной не узнаются, даже самые знаковые, пытаюсь увидеть комплекс университета – он на противоположной стороне «чаши», рассмотреть храмы в Старом городе – мечети, церкви, синагоги...

На площадке перед Стеной только молящиеся и туристы. Веришь – не веришь, а записку между блоками, из которых сложена Стена, вложи. Бог помогает любому тем, что дарит надежду. Молодые люди в черных костюмах, белых рубашках, с завитыми пейсами из-под широкополых шляп спрашивают: «Йехуди»? Накидывают талес, на левую руку повязывают кожаный ремешок филиakterии. Повторяешь: «Ата адонай элохейну, мелех ха-олам...» Для молодых хабадников весь ритуал наполнен сакральным смыслом.

А хасидам, что собрались недалеко от Стены, хорошо. Танцуют, встав в круг и положив руки друг другу на плечи. Черные и коричневые лапсердаки, штаны до колен, на ногах белые чулки и тяжелые башмаки. Головы покрыты круглыми широкополыми шляпами, бороды и пейсы развеваются по ветру. Молодой цадик выделяется шапкой, отороченной мехом куницы.

В сумрачном Старом городе заблудиться легче легкого. Бесчисленные повороты под неожиданными углами, после третьего поворота не представляешь, как оттуда выбраться. Лавки, лавочки, магазинчики... наборы специй, пряностей, поделок. Holy Land – бренд. Щепка от креста Спасителя, флакончик с маслом, пузырек святой воды, щепоть земли. Всё в лавках Старого города аутентично, папирус написан Моше, стрелу выпустил Йоав, сандалии носил легионер Веспасиана.

Воздух над городом густой, словно оливковое масло. В этом воздухе злорадство и ненависть, любовь и вера. По этому городу проезжала царица Шеба на встречу с царем Шломо. Йонатан Хасмоней возжег здесь светильник, который горел восемь дней. В этот город Назаретянин въехал на ослице под крики толпы «Осанна» и вышел из него с крестом на спине. Меридианы сходятся не на полюсах, они встречаются здесь, в Центре Земли, параллели, вопреки Евклиду

и Меркатору, стремятся в Иерушалаим. Энергия всего Мира клокочет в замкнутом окружающими скалами пространстве. Века, тысячелетия пульсируют с каждым годом все чаще.

...прибыл лес от царя Хирама из Финикии, рабы доставили кедровые бревна в Иерусалим из Яффо и сейчас везли их по узким улочкам на строительство Храма. Воины Невухад-нецара, смешавшись с легионерами Тита, шли на приступ городских стен. Сикарии с помощью кривых ножей расправлялись на узких улочках со своими политическими противниками, ревниво оберегая чистоту веры. Йосиф бен Матитьяху, стоя рядом с Титом, со слезами наблюдая за пожаром в Храме – вместе с гибелью Второго Храма заканчивалась Иудейская война, приходил конец Иудеи.

Иешуа из Назарета, тяжело дыша, нес крест на Голгофу, на Лысой горе каменщики возводили Храм Гроба Господня. Мухаммад, только что прибыв по воздуху из Мекки, привязывал крылатого скакуна колыску в стене разрушенного Храма, собираясь на встречу с Аллахом.

По улицам города бродили сефарды из Испании, кто-то в арабских халатах и чалмах, кто-то в испанских костюмах, между ними сновали ашкеназы в длинных лапсердаках, штанах до колена, в белых чулках, на ногах тяжелые башмаки. Вот хасиды, среди которых Баал Шем Тов, запели веселую песню и уже через минуту пустились в пляс. На них одобрительно смотрел рабби Йехуда Лёв бен Бецалель, Голем был уже вылеплен, заклинание написано на клочке пергамента, оставалось только положить этот клочок под язык Голема. На большом пустыре литовские наци прикладами сгоняют жителей маленького местечка, словно баранов в стадо. Среди них раввин Хаим, мой дядя, пытается поддержать евреев хоть словом. Автоматные очереди делятся долго, превращаясь в винтовочные выстрелы, разрывы гранат, грохот пушек. Колонна автомашин с врачами и медсестрами, которая направлялась в больницу на горе Скопус – окраину Иерусалима, атакована воинами Арабского легиона...

На стене Храма, примыкающей к стене Города, стояли дозорные, кутаясь в грубые шерстяные плащи. Наконечники копий бросали отблески от Луны. Иногда раздавались их перекличка: «Элизер!» «Иезекия!» Склоны гор, окружавшие Город, покрывали тысячи костров, в лунном свете угадывались тараны, катапульты, стенобитные машины. Видны были построенные римскими инженерами передвижные штурмовые башни.

Настроение у сидевших рядом со мной защитников Иерушалаима – настроение обреченных.

– Когда воины Иоханана из Гуш Халав разбили и изгнали из Иудеи римские войска Цестия Галла, когда это было? Да, тому уже шесть лет. Мне казалось, что Рим отстанет от Иудеи. К чему Риму такая далекая и беспокойная страна?

– Риму нужен весь мир. Риму нужны иудейское масло и пшеница. Риму надо показать всем провинциям, что воевать с Римом невозможно.

– Римляне – такие же люди, как все. У них та же кровь и животы их вспарываются еврейским мечом так же, как живот жителя Идумеи или египтянина. Оборона Йодфата отлично показала миру, как умеют защищаться иудеи. Вот только раздор между Иохананом и Йосефом бен Матитьяху...

– Не упоминай имя предателя бен Матитьяху! Все, что говорит этот мерзавец – гнусная ложь! Йосеф сейчас там, с воинами Тита, Иоханан со своими людьми терпит лишения и погибает вместе с нами!

– Напрасно мы впустили в город Шимона бар-Гиора. Конечно, он привел с собой несколько тысяч бойцов. Но ведь распря, что он затеял с Иохананом из Гуш Халав, сколько жизней отняла она?

Из темноты бесшумно выступили трое и подхватив говорящего под руки оттащили в тень дома. Сдавленный крик, после которого сидящие рядом со мной у костра только опустили головы ниже.

– Лучше молчать. Если сикарии Шимона расправились с первосвященником Маттафия и потом с первосвященником Анна, что говорить о нас, простых смертных!

– Герой, разбивший Цестия Галла, не может ошибаться! Слава героям!

– Погибнуть от меча римлянина, от кинжала зелота или от ножа сикария – какая разница? Мучительно ожидание смерти от голода. Когда Шимон и Иоханан дрались с Римом плечом к плечу, можно было надеяться и защитникам Иерусалаима.

– А на что надеяться нам, жителям Иерусалаима? Есть нечего, помощи ждать неоткуда. Галилея под римлянами, идумеи нам не помогут... Надо молчать!

– Барух а-шем, Б-г обещал нам эту страну, он помогал нам раньше и поможет сейчас...

Над светло-желтым городом поднимался розовый рассвет и только неясно, это отблески солнца, всходящего из-за гор или отблески догорающего храма.

Набережная Тель-Авива длинная, идти по ней можно от пустыря между Яффо и Тель-Авивом до комплекса гостиниц. Справа кварталы Тель-Авива, слева море с полосой пляжей. В холле «Хилтона» прохладно под кондиционером, в баре чашка кофе, холодная вода, сок грейпфрута. Абсолютная свобода, времени полно, можно зайти поглазеть в антикварную лавку, для этого не надо выходить из гостиницы, она тут же, в холле.

Кофейный сервиз, шахматная доска, какое-то серебро под стеклом витрины. На стенах картины, то ли Шагал, то ли под Шагала. Десять хасидов танцуют, видимо, фрейлехс. Белые рубахи, черные лапсердаки, ермолки, бородатые лица раскраснелись. Внимательно, очень внимательно я смотрел на эту компанию...

...пока не зазвучала скрипка, не запела флейта, не задышали тяжело танцоры, не затопали ногами. Я оказался в не очень чистой корчме, из посетителей в ней были только евреи. Танцоры выбрасывали ноги вперед, размахивали руками, в которых были зажаты огромные носовые платки, вышагивали гусаками, крутились вокруг себя или парами один вокруг другого. Красные потные лица, капли пота висели на носах, стекали по лбу и щекам, весь вид танцоров говорил, что веселье их не показное.

На столах достаточное скромное угощение, несколько бутылок красного вина, огромные кружки с пивом. Сидевшие за столом тихо переговаривались, изредка отхлебывая из кружек, одобрительно поглядывали на танцоров. Чуть в стороне в одиночестве сидел старик – из-за его стола все ушли танцевать.

– Дедушка! – я сразу узнал его, хотя не видел ни разу, даже на фотографии, все фотографии пропали еще перед войной.

– Внук? Молодец, пришел навестить деда. Рассказывай.

– Дедушка, а что здесь? Кто эти люди вокруг?

– Ой, горе! Сендер, старший мой брат решил ехать в Америку. Завтра утром, сволочь, уезжает в Одессу, а билет на пароход у него уже есть. Мишугинер, оставил свою Двойру без развода, трех детей без отца – это ведь все на мою голову! Слышать о нем не хочу! Моему Хаиму всего пять лет, Хава ждет следующего, дай ей Б-г счастья, чтобы все хорошо прошло. Так я теперь о Двойре с ее тремя заботься, и про Хаву не забывай, словно я праотец наш Авраам или сын его Иаков. Сендер, чтоб ты там пропал в своей Америке!

От крика деда один из танцоров вздрогнул, обернулся и посмотрел на нас с виноватой улыбкой.

– Рассказывай, – потребовал дед, – ты чей сын? Неужели Хаима?

– Нет, дедушка, вашего младшего, Йоселе. А дядю Хаима и дядю Гирша я вовсе не знаю, не видел их ни разу.

– Значит, Хава носит мне Гирша? Хорошее имя! А почему не видел?

– Они ведь погибли в войну, дедушка...

– Вейз мир, горе, горе! Не вздумай сказать этого бабке! И что, твой отец, мой Йоселе остался один?

– Нет, дедушка, у него две сестры – Голда и Хена. У Голды родилась Алла, у Хены – Миша. Все будет хорошо, дедушка!

– Ой, горе, сколько лет я слышу это «все будет хорошо, все будет...» А все хорошо уже было и, кажется мне, уже никогда не будет...

...я стоял в холле отеля «Хилтон», что на берегу Средиземного моря и смотрел на картину Шагала, где десять хасидов танцевали веселый фрейлахс по случаю отъезда Сендера в Америку.

На следующий день я поехал в Иерусалим. Площадь перед Стеной плача была полна народа. Христиане толпились у храма Гроба Господня, мусульмане спешили в мечети Омара и Аль-Акса, евреи прикладывали руки к развалинам Храма и раскачивались в своей молитве. Воздух между тремя точками поклонения был густой – хоть ножом режь, это был словно бульон из смеха и плача, крови и слез, ненависти и любви и отделить что-то из этой смеси было невозможно. Даже после Суда ангелы утомятся, разбирая, кто, где и что.

А я подошел к Стене и засунул в расщелину между камнями свою записку. Дедушка, я думаю, сидит в кресле праведника в куцах, а бабушка примостилась у него в ногах скамеечкой – всю жизнь она мечтала о таком конце. Мазл тов! Ну и что из того, что я не хожу ни в церковь, ни в синагогу?! Уверен, что Б-гу на это наплевать, он помогает или карает вне зависимости, от ходишь ты в храм, не ходишь ты в храм. У него свои оценки, знать которые не суждено.

Лавка времени

Бродить по Старому городу в Иерусалиме... Лавки и лавочки с клинописью Авраама, папирусами Моисея, приказами Навуходоносора. Тут же туристы покупают кубометры щепок, тонны святой воды. Можно примерить кипу или куфию. Но стоит только увернуться от толпы туристов за ближайший поворот, потом еще один поворот, и вот ты уже не знаешь – в христианском, еврейском или арабском квартале идешь по мощеным улочкам.

Над входом в лавчонку я разобрал надпись на иврите «зман» – время. «Отдохну, поглазею на часы,» – и шагнул внутрь. Никаких часов – простые деревянные полки на стенах уставлены сосудами и баночками разных форм и цветов – прозрачные с изогнутым горлышком, черные с притертыми крышками, темно-зеленые, коричневые, веселенькие голубые.

– Ай онли хэв э лук... Ани роцэ...

– Так мы можем говорить с вами по-русски! Уверен, что так вам будет удобней!

– О, спасибо, действительно удобней. Я думал, что здесь продаются часы...

– Вы думали! Молодой человек, здесь продается Время!

– Но я не вижу ни одних часов?!

– Я повторю, здесь продается Время!

– Простите?

– Что непонятно? Предположим, вам не хватает времени. Ну, не знаю... не хватает, чтобы закончить важную работу... Вам не хватает времени, чтобы насладиться встречей с вашей женщиной... Не хватает времени, чтобы отдохнуть. У нас вы можете купить Время на любой вкус и для самых экзотических надобностей!

– Вы шутите?

– Какие шутки, молодой человек! У меня нет времени для шуток, и я не собираюсь покупать его у самого себя. Бизнес есть бизнес, гешефт – это гешефт. Вот, я могу предложить вам густое, как хорошее масло, время ученого. С его помощью вы, бог даст, получите Нобелевскую премию. Понятно, что это дорого, но поверьте, оно того стоит. А вот в этой голубенькой бутылочке время, которое вы проведете на танцульках. Танцы-шманцы, пара коктейлей, красивая девчонка. Вот черная реторта, здесь время тяжелой работы. Запах, скажу я вам – валит с ног. А что вы хотите – пот, слезы, мозоли на руках?

– И что, берут «тяжелое время»?

– Берут, конечно же. Но не для себя – исключительно в подарок, исключительно для заклятых друзей. Кому хочется слез и пота? Люди совсем обленились, они предпочитают лежать на диване напротив телевизора. Хотите время для культурного досуга? Могу предложить от простого сна по 50 шекелей за час и до прекрасной рыбалки на шиши-шабад по 200 шекелей. Естественно, тоже за час.

– Но как? Как я смогу использовать купленное время?!

– Шо вы морочите мне голову? Не говорите мне, что вы не знаете, как провести время на рыбалке или как провести часок-другой в библиотеке! В библиотеке вы берете книгу и читаете, а на рыбалке все просто – наливай и пей. А может быть, вы хотите убить свое время? Так не делайте глупостей, я лучше куплю его у вас.

– Мне кажется, это вы морочите мне голову!

– Ой, бросьте! Меня не так легко найти, но если вы надумаете купить или продать пару-тройку часов – приходите, старый Ицхак всегда будет рад вам помочь. Всего доброго, лаитраот.

Я вышел из лавки и закурил у входа.

«Чертовщина! Это же развод какой-то! Я читал и Сказку о потерянном времени, и Гайдара с его „горячем камнем“. Но ведь и там, и там сказочная „механика“ была описана подробно

и доступно: разбей камень – проживи другую жизнь, минут и годы старят простачков и делают злых волшебников моложе. Черт знает что! Додумался до веры в сказки и волшебников!»

Я решительно отбросил окурок и вошел в лавку.

– Дайте мне пару часов времени для встречи с любимой женщиной! Надеюсь, качество вы гарантируете?!

Рабби Гирш бар Гроим из Таллина

Тяжело учиться в минском ешиботе юноше из семьи бедного раввина. Вообще трудно учиться, трудно постигать талмудическую премудрость и не важно, в Одессе ли это, в Минске или где-то еще. У родителей детей много – денег мало, отправить сына учиться – ой-ёй-ёй! Мать ночами плачет-заливается, отец ходит задумчивый. Где-то мальчик должен спать? Хоть иногда мальчик должен съесть тарелку горячего? Надо говорить с общиной: кто-то даст угол для ночлега, а кормить будут ешиботника в еврейских семьях по очереди. Во время обеда стараются нечаянно кусочек курочки не положить, чтобы не привыкал к хорошему, хорошо, когда кусок хлеба не забудут дать.

Ничего, Гирш из штетеля под Гомелем выучился, выпускные испытания прошел так же успешно, как провел годы учебы в талмудторе, хедере, ешиботе. Но разве бывает раввин без ребецн, разве что вдовец (не дай Г-дь!) А мамеле зачем? Она свахе кроме обычного вознаграждения хорошего жирного гуся пообещала, та для Гиршеле такую невесту подобрала – любодорого! Такая девушка, такая девушка: и кугл приготовит изменьше, чем ничего, из одной курицы пять блюд соорудит, нрава кроткого (а куда деваться, пять сестер ждут своей очереди из дома уйти) и внешностью... ничего так внешность, с лица воду не пить, а молодых людей в соблазн не вводить. Богатая перина и пять пуховых подушек – отличное приданое, можно и под хупу идти Гиршеле с Малкой.

А куда ехать, где молодые раввины нужны? Понято, что не в Москву, Петербург или в Киев, но ведь даже Черновцы и Бердичев его не зовут. Написал письмо отец Гирша своему знакомому, ребе Йосеф-Ицхак Шнеерсону из Любавичей, реб Шнеерсон написал пару-тройку других писем и поехал Гирш в далекий Ревель принимать дела и устраиваться, потому как хасиды открыли в Ревеле новую синагогу. Синагога новая, а дом, в котором она расположилась – старый. Две комнаты и кухню при синагоге отвели молодому раввину, рядом небольшой дворик с сараем – о чем еще мечтать молодым? Дал бы Б-г много-много детишек, а Гирш и Малка будут стараться.

В талмудторе Гирш учился читать и писать, считать до сотни, до тысячи, до миллиона (дай Б-г ему столько рублей, а пусть даже будет и столько грошиков, не помешают в доме и грошики). В хедере Гирш запоминал тексты из Торы и Талмуда и так хорошо учил, что многие из них знал наизусть. В ешиботе он изучал комментарии Раши, а когда ему в руки попала Книга Зогар, так он и ее не выпускал из рук. Прочитав Книгу Зогар, он долго искал сочинения Симона бар Йохаи и труды рабби Лёва бен Бецалеля и вы знаете – он их таки нашел и внимательно прочитал!

Что-то не получалось у Малки понести, а может это Гиршеле не сильно старался? Уж очень много времени проводил молодой раввин за чтением древних текстов да еще он, освободив сарай во дворе от хлама, натаскал туда глины и лепил, лепил, лепил. Тьфу ты, пропасть, один все свободное время с грязью водится, а другая должна измазанные в глине штаны и рубашки стирать! И ведь добро бы горшок какой-нибудь вылепил, его хоть продать можно. Или вылепил бы, к примеру, лебедя на пруду – высуши, обожги и раскрась, его бы можно было в комнате на комод поставить – йофи! А ведь налепит глиняных уродцев, потом сомнет их в комок глины и снова лепит таких же. А сколько дров зря перевел, протапливая сушильную печь в сарае – Балтийское море можно высушить на огне от этих дров!

Пришла Малка в сарай, чтобы позвать муженька обедать, как раз куриная грудка в черносливие поспела, и встала столбом, как жена Лота. Стоит посредине сарая истукан ростом под три метра – две руки, две ноги и огромная голова, посаженная на туловище без шеи. Три глаза спереди, один глаз сзади, уши маленькие, в огромной дырке, что вместо рта, торчат четыре зуба.

Вы думаете, что вылепив это чудовище, Гирш успокоился? Так вы ошибаетесь. Он читал и читал, раскручивая свиток Торы с скручивая его снова. Он листал Книгу Зогар вперед и назад, назад и вперед. Он складывал буквы на страницах так и этак, превращал их в цифры и снова из цифр делал буквы. А сколько чернил он перевел, черкая листы бумаги, комкая эти листы и сжигая их в печке – вы не поверите. Чиркает и одно твердит: «Нохамул! Нохамул!» (Еще раз, еще раз.) Да и не надо бы этого знать, потому как узнай хасиды, чем занимается их раввин – пригласят на службу другого раввина, сколько цадииков бродят по дорогам от ярмарки к ярмарке, творя молитвы и читая проповеди по придорожным харчевням и трактирам. Ну, так Гиршеле объявил, что отныне надо звать его не Гирш Нармантович, а Гирш бар Гроим, чем только ему родительская фамилия не угодила?!

Что там творится в мире, Гиршеле интересовало мало. Это ведь Малка должна позаботиться, чтобы купить кусок мяса и овощи на базаре. А что купишь, если после начала войны с немцами базар стал таким дорогим – не подступиться. Рененкампф и Самсонов наступали и отступали, побеждали так, что потом были разбиты. А когда война надоела матросам и солдатам, те нацепили себе на шапки красные ленты и поднимали офицеров на штыки. Скверная это манера – нанизывать человека на штык, словно бабочку на булавку. И при чём тут евреи? Кого это волнует, но на всякий случай парочку-другую можно и застрелить.

Ну, была Российская империя с Ревельской губернией – стала эстонская республика со столицей в Таллине. Только жизнь Гирша и Малки не изменилась нисколько, по-прежнему зажигались субботние свечи, как прежде Гирш ломал халу и передавал жене кусочек. И когда пришли в Таллин Советы, ничего не изменилось. Какие-то строгие люди в военной форме приехали в синагогу, забрали Гирша с собой. но через два дня вернули его домой чуть-чуть побитого и худого. Не мог же он кушать у них в заведении, неизвестно ведь, проверяет ли кто-то у них пищу, кашируют ли они свои кастрюли и миски.

И снова «здравствуйте» – бомбят, стреляют, как будто нет у людей другого занятия, как сделать дырку в руке или, не приведи Г-дь, в голове. Постреляли-побомбили, не то, чтобы успокоились, но в городе стали ходить солдаты совсем в другой форме и разговаривать по-немецки. ну что ж, евреям так даже удобнее, ведь немецкий – это просто исковерканный идиш, догадаться о чем идет речь, можно.

Только когда собрали толпу таллинских евреев на городской площади у ратуши, когда вместо слов (а что, будто евреи не понимают слова?) стали бить их прикладами и рвать злыми собаками, когда плачущая Малка прижалась к своему Гиршеле, обнял рабби Гирш бар Гроим свою жену:

– Не успел я, Малка, сделать своего Голема, рабби Лёв смог, и у меня получился бы. Вот он защитил бы и нас с тобой и других евреев, даже если они всего лишь митнагим или даже коммунисты. Знай Малка, что любил я тебя, хоть и не говорил тебе об этом...

– Гиршеле мой, только об одном мечтаю – быть мне скамеечкой под твоими ногами, когда будешь ты сидеть в кресле среди праведников!

«Уважаемый Иосиф!

Я считаю своим долгом написать Вам о смерти Вашего брата, реб Гирша. После оккупации Эстонии немцами евреем Таллина были собраны на площади у ратуши, потом их вывели на опушку леса и расстреляны из пулемета, автоматов и забросали гранатами. Пленных красноармейцев заставили вырыть большую могилу, в которую были сброшены все тела. После освобождения Эстонии войсками Советской Армии я собрал все адреса родных, погибших в сентябре 1941 года, и пишу Вам это письмо. Присылаю вам фотографию братской могилы, в которой...»

Знакомство

В больничной палате кровать Семена Семеновича отделена от кровати соседа Сережи узким проходом и тумбочкой. Сережа одного возраста с Семеном Семеновичем, но как представлялся при знакомстве, так его все и звали. Редко Сережа проводит ночи на больничной койке – плохо ему, одышка мучает, вот и сидит он ночи напролет в больничном коридоре на диванчике или в кресле, так гораздо легче. Больничные ночи Семену Семеновичу даются нелегко: палата на шесть коек, кто храпит, кто ворочается, уснуть тяжело, спать трудно. Ворчать и жаловаться невозможно, да и бесполезно. Да и как жаловаться, сам соседей по палате тревожишь – каждые полчаса в туалет приходится ходить. Туалет в конце коридора, пока дойдешь туда, потом обратно и снова пора в туалет спешить. Да все же какое-то ночное занятие, потому что нелегко это – ждать приступ удушья.

Уже раз пять его этот приступ прихватывал, страшное дело. Жена, пожалуй, больше самого Семена пугалась – бледный до синевы, руками опирается на стол, сесть не может, выдохнуть сил не хватает. Воздух ртом втягивает и потом долго выталкивает. Понятно, сердечная астма. Семен Семенович врач опытный, сердечную недостаточность и острую и хроническую у других лечил, а возраст у него для развития болячек самый подходящий – предпенсионный, год осталось дотянуть.

Смотрит Семен Семенович на соседей по палате, слушает их разговоры – все ему ясно и понятно. Гипертония, ишемия, мерцалка, пароксизмальная тахикардия. Больше всех интересуется его сосед Сережа. Лицо синее, губы почти черные, живот огромный – жидкость там скопилась, асцит. Ноги как тумбы – отечные. Лечение проводят ему правильное: таблетки по горсти 4 раза в день, палатные медсестрички с уколами регулярно, процедурная сестра с капельницей не забывает – часа по три растворы полезные Сереже капают. Плохо Сереже, что-то не помогают ему ни инъекции, ни таблетки. Смотрит Семен Семенович и вспоминает, точно так же, как местные врачи, сам не мог справиться с сердечной недостаточностью у какого-нибудь больного. Годами справлялся – отеки сгонит, работу сердца наладит, дыхание свободное организует, а потом как отрезает – меняет лекарства, дозы увеличивает и вызывает для беседы родственников, чтоб готовились, конец близок.

Дня через три-четыре Сережа перестал ночью в коридор выходить, чтобы поспать. Он вообще ходить перестал, с кровати не вставал. Кровать хорошая, функциональная – грудную секцию подняли, ножную опустили, полусидит Сережа в кровати, то спит, то дремлет. Количество инъекций и таблеток лечащий врач увеличил, чаще медсестры у его кровати появляются. Санитарка дежурная заходит – покормить, утку подать, белье пару раз за смену поменять – отеки мочегонными выгоняют, да не всегда Сережа к утке успевает, а мокрому лежать совсем не дело.

Чаще стал Семен Семенович время в коридоре проводить, размышляет. Думал он простой стенокардией, т.е. грудной жабой обойтись, а диагноз много тяжелее оказался. Провели ему ультразвуковое исследование – тут тебе и недостаточность аортального клапана и аневризма аорты. Слушал Семен Семенович объяснения лечащего врача невнимательно, и так все ему ясно – без операции на сердце не обойтись. Клапан поменять на искусственный – сейчас сердце вместо положенных двухсот миллилитров крови триста за каждый удар выталкивает, двести по назначению идут, а полстакана крови в сердце возвращается. Аневризма – дело такое, стенка аорты истончилась, в любой момент разорваться может. Предлагают ему кусок аорты на протез поменять – задумайся.

И Сережа на соседней кровати – постоянное напоминание. Знает всё Семеныч про риски и опасности, осложнения и прогнозы. Учился хорошо, да и после мединститута книги и журналы специальные читал, не ленился. Только одно дело в книжке про свою болезнь читать,

другое – финал своей болезни на соседней больничной кровати наблюдать. Словно в свое будущее смотрит Семеныч на Сережу, одно неизвестно – через полгода или через пять лет будет он так же, как Сережа на кровати не лежать – сидеть, и воздух ртом глотать.

Плохо стало Сереже вечером, больные как раз спать укладывались – те, кто спал ночами. Никого Сергей не звал, не кричал, не жаловался. Лежит, вроде дрема у него. Медсестра, что на ночное дежурство заступила, заглянула по рабочим обязанностям в палату, а через минуту-другую там был дежурный врач, стоял аппарат искусственной вентиляции и дефибрилятор. Семен Семенович сам из палаты ушел и сопалатников с собой вывел. Часа не прошло – из палаты к себе в ординаторскую прошел дежурный врач, следом медсестра катила дефибрилятор. Минут через десять Семен Семенович зашел в палату и увидел, как санитарка на голом бедре Сережи пишет красным фломастером: «Сергей Анатольевич...», фамилию Семеныч читать не стал. «Вот и познакомились, Анатольевич».

Иезус Крестус

– Послушайте, молодой человек, вы курите одну папиросу за другой, уже весь вагон прокурили. Если вы хотите соревноваться с паровозом, так у паровоза это получается все равно лучше. Знаете что, сходите к проводнику и попросите чаю для всего купе, а потом мы все вместе поедем. Есть курица, вареный яйца, домашние пирожки. И не надо со мной спорить!

Молодой человек – Давид Гликберг даже не пытался возразить, а сразу пошел к проводнику. Соседка по купе выкладывала на столик домашнюю стряпню, муж, с которым она ехала, участия в сервировке не принимал. Давид достав из своего чемодана бутылку коньяка, поставил ее на стол. Четвертый попутчик принял участие в общем столе своими припасами – домашней колбасой, салом, классической курицей.

– После присоединения Литвы муж получил назначение в Нарокомат машиностроения в Вильнюс, придется переехать из Москвы. А вы как, надолго или в командировку?

– Вы знаете, в командировку от завода. Но дело в том, что в Вильнюсе меня встретит брат, которого я не видел ни разу. Я ведь пятнадцатого года, то-сё, война, революция, Гражданская. Семья жила в Белоруссии – родители, две мои сестры и я, младший. А брат был уже взрослым, жил и работал в Прибалтике. А уж потом оказалось, что живем мы в разных странах, между нами граница. Ни одного письма от него, пока Литва не присоединилась к Советскому Союзу.

Разговор в купе длился за полночь. Нашлась бутылка водки у четвертого попутчика, много раз проводник приносил чай в стаканах, которые стояли в тяжелых мельхиоровых подстаканниках, дорога от Москвы до нового советского города Вильнюса неблизкая.

Давид вышел покурить в коридор, компанию ему составил четвертый попутчик.

– Новые республики, советская Прибалтика... Вот оно мне надо, уезжать из дома в такое время?! – в голосе попутчика нескрываемая боль и горечь.

– Вы о том, что время тревожное? Так ведь пакт, и потом – заявление ТАСС. Думаю, что войны все-таки не будет. В прежней войне Германия испытала, что такое война на два фронта.

– Какое мне дело до Германии, войны с ней и до всех революций! Ох ты, надеюсь вы не из кружка Юных Барабанщиков или, не дай бог, сразу из НКВД, вы производите впечатление порядочного человека? Что меня беспокоит – поведение моей жены. Вы бы знали, какие огромные рога она мне вырастила! И это при том, что я почти все время дома. Представляю, что творится у нас, когда я уехал в далекую командировку.

Попутчик вздохнул, махнув рукой, и отправился в туалет. Соседи в купе улеглись и крепко спали, похрапывая, а Давид все стоял у раскрытого окна вагона – стояла июньская ночь и курил, курил.

– Гирш, Гиршеле!

– Давид, Додик!

Братья стояли, крепко обнявшись, их обтекала вокзальная толпа, не обращая внимание на двух обнимающихся мужчин, молодому не было на вид и тридцати, старшему – около пятидесяти.

– Поехали, брат, я с подводой тебя встречаю, я ведь тут с вечера, а путь нам неблизкий, может быть к вечеру и доберемся.

– Свои, что ли, лошадь, подвода?

– Ой, не смехи! Откуда у раввина из бедняцкого местечка своя лошадь? Попросил лошадь у соседа встретить тебя. Не нанимать же балагулу, чтобы съездить в Вильнюс и обратно.

Не близким был путь до маленького городка, в котором жил Гирш Гликбергис, а братья успели рассказать друг-другу только основные новости: что папа умер давно – отмучился, что

мамеле, узнав о поездке Давида в Вильнюс проплакала все дни до отъезда, что сестры Голда и Рахиль передают приветы, обнимают и целуют.

А когда приехали, их ждал стол, на котором королем лежал запеченый гусь, а вокруг были уставлены закуски и салаты. Давид сразу запутался в именах племянников и племянниц, в мелькании лиц, в объятиях, восклицаниях сделать это было очень просто. Хорошо хоть имя невестки, жены Гирша запомнил – Ципора. Неразбериху усиливали многочисленные соседи Гирша, евреи и литовцы, каждый подходил к Давиду, жал ему руку и называл себя, как будто было возможно запомнить такую прорву народа!

Давно разошлись друзья и соседи Гирша, Ципора уложила детей и сама попрощалась, уходя спать – братья рассказывали друг другу все, что было с ними за четверть века.

– Давид, я уже еле сижу, глаза сами смыкаются. Ложимся спать, завтра воскресенье, расскажешь мне, как ты учился в своем институте.

Завтра был гул самолетов в небе, далекая канонада и близкие разрывы бомб, винтовочная и пулеметная стрельба, а через местечко шли солдатские колонны, в начищенных сапогах, строевым шагом на запад, в грязных потных гимнастерках, с черными от ружейной копоти лицами, загребая носками пыль – на восток.

Победители появились на мотоциклах, сопровождаемые броневым автомобилем. Пулеметы щетинились во все стороны, лица у победителей были серьезные или улыбочивые, но обязательно довольные. Над зданием Городской Управы опять повисли новые флаги, теперь красные с черным изломанным крестом. Перекрестки, заборы и столбы забелели приказами: запрещается, запрещается, расстрел. Запрещается и расстрел, других слов в языке победителей не было.

Ранний летний рассвет начался с криков, собачьего лая, женского воя и хлестких винтовочных выстрелов – силами полиции победители сгоняли евреев в толпу, выдергивая их из теплых постелей на улицу. Всех до одного: взрослых мужчин, женщин, детей и стариков. Плевать, если не успел одеться – марш в одном белье. Не можешь ходить? Родственники донесут. Старый Пиня Маркиш был застрелен у себя в постели, он уже два или три года не мог ходить, но кого это сейчас волновало? Давиду казалось, что среди полицейских он видит и знакомые лица, тех, кто был у Гирша в гостях, когда он приехал, тех, кто пил за его здоровье, кто выслушивал, понимая, вопрос на идиш, а отвечал на литовском.

Подгоняемая окриками и прикладами, кричащая и плачущая толпа двигалась на окраину городка, людские ручейки сливались в полноводную людскую реку, окруженную людьми с повязками на рукавах и с винтовками. Замыкали шествие два мотоцикла с пулеметами, на мотоциклах сидели победители. На окраине городка у края оврага все происходило быстро и по-деловому. Раздеться догола – молодые женщины и девушки старались прикрыть черный треугольник внизу живота и грудь, мужчины отворачивались и смотрели в землю.

– Тато, зачем мы раздеваемся, разве мы будем купаться? Здесь же нет реки! А можно потом будет сходить в лес за ягодами?

Отсчитать сотню человек и поставить их на край оврага. Длинная очередь из пулемета, скинуть вниз тех, кто сам не упал на дно оврага. Новая сотня. Новая сотня. Еще одна и еще.

Давид стоял на самом краю оврага, на какую-то долю секунды раньше пулеметной очереди он полетел вниз, не выдержала земля массового топтания сотен людей. Сверху падали тела других евреев, закрывая Давида, сдавливая ему грудь, не давая дышать. Расталкивая навалившиеся тела, раскидывая душащие руки, пробираясь ужом Давид выбрался на вершину горы мертвых тел и, не соображая, что делает, не соблюдая осторожности стал карабкаться по крутому склону оврага. Каждый пучок травы, за который можно было ухватиться, каждая выемка, куда он ставил ногу, помогали Давиду и вот он уже наверху, ухватился руками за край. Полицей с винтовкой, к которой был примкнут штык, молча ударил штыком в тыльную сторону ладоней – раз-два! – и Давид летит вниз на гору мертвых тел.

Очнулся Давид глубокой ночью, сколько он лежал без памяти определить не мог. Второй раз карабкаться наверх было гораздо труднее, каждое движение рук отдавалось болью в кистях. Полицейские ушли, у оврага не было никого. Абсолютно голый, Давид побрел в сторону местечка. Найти что-нибудь из одежды расстрелянных евреев он не смог, все увезли с собой полицейские.

На самой окраине он увидел висящее на заборе свежестыранное белье, снял какую-то простыню и закутался в нее.

Три дня Давид брел по лесу, не разбирая дороги, не зная, ни куда идет, ни куда идти. С каждым днем он все больше слабел от голода. Раны на руках болели, покрылись струпьями, из-под которых сочился гной. На четвертый день он набрел на лесной хуторок – добротный жилой дом, хлев, сеновал, пара сараев. Давид стоял на крыльце и собирался уже постучать в дверь, когда из дома вышла молодая женщина. Увидев Давида, она быстро заговорила политовски, Давид уловил, что ему отказывают в приюте, женщина много раз взмахом руки показывала в сторону от хутора. Объяснений по-русски и на идиш она не понимала, только твердила свое «Нет!» Давид выглядел жалко, в нелепой грязной порванной простыне, заросший щетиной, с исколотыми ногами и ранами на кистях рук. Он понимал, что уйти с этого хутора – верная смерть. Остаться – возможно, принести смерть всем жителям этого дома. Дверь открылась и на крыльцо вышла маленькая девочка, лет шести, не больше. Она внимательно взглядела в Давида, послушала взволнованную речь матери и, дернув подол материнской юбки, сказала «Мама, это же Йезус Кростус!» Мать тяжело вздохнула, махнула рукой и кивком головы приказала Давиду идти за ней на сеновал.

Три следующих года Давид провел на этом сеновале.

– Раса, я понимаю тебя! Этот мужчина был так похож ни Христа – с бородой, в простыне, как в хитоне, с ранами на ладонях!

Молодая женщина, сидящая в вильнюсском кафе со своим спутником, задумчиво улыбнулась.

– Ты не понял, Повилас. Он не был похож на Христа. Это был сам Иисус Христос.

Погромы

Страх густо висел в воздухе городка, казалось, его можно было мазать на хлеб или окунать в него горячие крепелак. Евреи сильно боялись, мужчины молились в синагогах, женщины урывали для молитвы минуту-другую между готовкой и стиркой, дети... А что дети – они уже несколько дней не ходили в хедер и рвали свои штаны по окрестным садам, ловили ящериц по огородам и разбивали носы, свои и чужие. Матери чуть не каждые полчаса окликали «Голда! Мотл! Ну-ка домой!», да разве удержишь?

На перекрестке в центре штетла стоял городской Анисим Митрофанович – на груди бляха рядом со свистком на шнурке, слева сабля-сеledка, справа револьвер на ремешке. Всегда по праздничным дням он привычно обходил лавочников, где зажимал в потной ладони серебряный рубль, кричал, выпивая рюмку водки, говорил «Честь имею!» и принимал поздравления. Участковый пристав сам по домам и лавкам не ходил, к нему подарки приносили в участок, а чаще прямо домой – корзинами, свертками, мешками, но чаще конвертами.

Кто знает, сколько Меир Суббота занес приставу, а сколько дал Анисиму, но уже второй день городской стоял около дома, на первом этаже которого вывеска гласила «Колониальные товары Суббота и компаньоны», а второй этаж занимала семья Меира. Лавка была закрыта, оба приказчика отпущены по домам. Анисим Митрофанович, отлучаясь со своего поста, заходил в дом, где прямо в прихожей стоял столик, на нем графин с водкой и тарелки с бутербродами, солеными огурцами, мочеными яблоками. Выпьет рюмку – и стоять не так скучно, хотя, какая разница чину полиции – стоять на перекрестке или около дома?

– Меир, дорогой, ты же не возражаешь, если жена моя и детишки поживут у тебя в доме два-три дня, максимум недельку? Мы постараемся вас не стеснить, можно без кроватей, постели принесем с собой! Бог мой, я так боюсь за мою Мирру, а она переживает за нашу Ревекку, девочке уже пятнадцать. Что будет, что будет...

– Извини Ицик, но это совершенно невозможно!

– Как невозможно?! Реб Суббота, что вы такое говорите? Мы знакомы уже столько лет, мы столько гешефтов сделали вместе... Моя Голда и твоя Мирра так дружат, а ты говоришь «невозможно»?!

– Ицик, поверь, это совершенно невозможно! Проси у меня что хочешь, все сделаю, но принять твою семью под свой кров я не могу, поверь мне!

– Реб Меир Суббота, я плюю тебе в лицо, с этой минуты нет у меня врага злее тебя! И моли Г-да нашего, чтобы с моими девочками ничего не случилось, потому что если «да», то тебе не жить, я сказал!

Толпа шла по мощеной булыжником мостовой, занимала оба деревянных тротуара, главная улица штетла не была широкой, как в Одессе или Киеве, но это была главная улица – на ней стояли магазины, лавки, кавярни и рестораны. Толпа двигалась молча, целенаправленно. На тротуаре у входа в закрытую лавку Меира Субботы стоял городской Анисим Митрофанович, рядом с ним были еще двое чинов из полицейской части, подошли только что, еще и рюмки водки не успели выпить. Из толпы в витрину, закрытую ставнями, полетел комок грязи, рассыпался, оставляя мокрый след. Анисим коротко свистнул в свой свисток, поправил револьвер на правом боку и погрозил толпе пальцем. Те, что шли по тротуару обтекли тройку городских, толпа молча проследовала мимо полицейских.

Через два дома от лавки Меира стоял магазинчик бакалейных товаров и вин Ляхмана. Хватило двух ударов короткими ломиками по замкам и десяток молодых мужчин несут из магазина на улицу бутылки и фляжки, выкатывают пару бочек, появляются ковши, стаканы и чашки. Сосредоточенно, словно выполняя ответственную работу, вся улица начинает пить.

Женщины в толпе набирают бутылки в подолы, запасливые складывают их в кошелки, отправляют детей с сумками по домам.

Из лавки доносятся крики самого Ляхмана – пейсы у него уже вырваны, ермолка валяется на полу, у лапсердака оторван рукав. В спальне лавочника двое держат его жену, ее насилюют молча, сосредоточенно, женщина закусилась от стыда и боли губы, закрыла глаза и молчит, не стонет.

Толпа на тротуаре рядом с винным магазином сильно поредела, остались лежать только упившиеся совершенно, и тем, кому только-только удалось припасть к влаге. Свернув с главной улицы, погромщики ушли на окраину города, евреи селились преимущественно там. Маршрут их пролегал извилисто, посещали еврейские лавки и магазинчики, там били стекла и хозяев, не находя хозяев крушили мебель, гадили в комнатах, уносили по своим домам все, что им приглянулось. Но главная цель – дойти до еврейских улочек не забывалась.

Тесно стоящие ряды домишек, в которые летят уже не комья грязи – камни и железки, разбивая стекла в окнах, круша ставни и двери. Не выручают мезузы на косяках, пергаменты со словами молитвы валяются в грязи под ногами, с любовью сделанные футляры раздроблены сапожищами. В окнах некоторых домишек стоят иконы, где-то католический или православный крест – их не трогают.

А вот в конце улицы маленький домик Сендера и Малки, у входной двери стоит их русский сосед, мастерской Василий. В руках у Василия одноствольное охотничье ружье и стоит он лицом к улице.

– Проходи мимо, не задерживайся! Не замай!

– Васька, ты с глзда съехал? А ну бечь домой, не мешай обществу жидов пощекотать!

– Я вот тебя сейчас картечем пощекотаю! Предупреждаю, кто двинется к дому Сендера, всех не смогу, но пару раз ружье перезаряджу, троих положить успею!

– Васька, отойди от греха, чего ты за жидов вступился! Они ж Христа нашего продали, без них в городе только чище будет!

– Христа, говоришь, продали? А это не ты ли, Митька, чтобы водкой напиться, крестик свой нательный продал? И что, кто из вас – Сендер или ты Христа продает? Говорю вам, Сендера и Малку не трогать, иди себе мимо!

– Да что ты так за них вступился?! Иди вон до своей Любаши, она тебя приголубит!

– Когда я на заработки уехал, а Любаша моя в горячке слегла, да трех мальцов обиходить некому было, ты, сволочь, пришел в мою хату хоть чем-то помочь? А Малка рядом с Любой сколько ночей провела, то лекарство дать, то попить. И малые мои были и обстираны, и накормлены, ни Малка, ни Сендер их из-за своего стола не выгоняли. Дети мне потом рассказывали, что своим сахарного петушка не дадут – моим в руку сунут! Пошли вон отсюда, сволота!

Камень был пущен в Василия метко, попал прямо в лоб. Падая, Василий успел пальнуть из ружья, да выстрел пришелся прямо в небо. К выпавшему из рук Василия ружью из дверей хатки метнулся подросток, перезарядил патрон и пальнул в толпу – держась за живот, по земле катался молодой мужик в красной шелковой рубахе, будто на праздник он шел, а не громить-разбойничать. Куда же с одним ружьем против погрома, уже через полчаса-час маленький домик Сендера ярко горел, горел вместе с хозяевами и детьми. Над Василием, оставшимся лежать снаружи, голосила его Любаша.

– Ицик, Исаак, что же это сделалось?! Почему ты не смог уговорить Меира... Как же так? Вы же компаньоны, вы вместе столько гешефтов..., – жена Исаака, Голда, обнимала сотрясающуюся в рыданиях дочку. – Гой, русский сосед вступился за еврея и лежит сейчас с разбитой головой. Что же ты за еврей, Меир Суббота, как ты мог так поступить с нашей девочкой? Как ей теперь жить после сегодняшнего?!

Ребекка, дочке Исаака, поздно вечером удалось убежать от бдительного надзора матери. Совсем недалеко от города по дну глубокого оврага протекала речка. Короткий полет-прыжок с берега оврага и изломанное тельце нашли лежащим на берегу речки. Вейз мир, что теперь станет с Меиром Субботой?!

Тихое утро украинского села разорвал топот сотни коней, казаки Хмельницкого проскакали по единственной улочке, заняв ее от начала до конца, проехали по двое-трое в тупички и переулочки. Собаки села лаяли, как оглашенные, сидевшие на цепи натягивали цепи, рвали веревки, к которым были привязаны, старались прогнать чужаков хотя бы со своего двора. Поднятый в селе шум заставил подняться с постели всякого, люди торопливо накидывали на себя одежды, шепча молитвы.

– Евреи? – спросил казак войдя в дом к Лейбушу и не ожидая ответа рубанул саблей по его лицу. Жена Лейбы Малка кинулась к мужу, но другой дитина в свитке схватил ее за руку, повалил на кровать, начал шарить в вырезе сорочки, задирать подол, навалился на Малку всем телом.

– Мама! – лучше бы Сара молчала, сразу двое вошедших наклонили ее голову к столу и зашарили в своих поясах, спуская широленные шаровары. Сара негромко приговаривала:

– Да что же вы делаете, паны казаки, как вы Бога своего не боитесь! – слезы лились по лицу, а утереть их она не могла, обе руки ее держал низкорослый бородач, жадно наблюдая, как ритмично действует его товарищ.

– Сареле! – кинулся к ней муж, две недели назад Сара и Янкель стояли под хупой, а сегодня он наткнулся грудью на козачью пику и оседал на пол рядом с тестем.

Заходя в соседнюю хату, казаки разрядили в хрипящего на веревке пса два пистолета.

– Ну, жидовня, целуйте крест православный и айда к купели в церковь! Не ма хенца?!

Ну, не обессудьте, – взрослых в семье Могла Берковича вывели во двор, где споро повесили на приготовленных веревках: на перекладине ворот уместилось сразу трое, еще двоим нашли место на суку старой тютины, что росла перед домом. Мелочь пузатую, что голосила в доме, бегая без штанов, просто рубанули по разу саблями – от визга можно было оглохнуть.

В тупичке стоял домишко Пинхуса, самого хозяина уложили саблей, предварительно сунув ему в лицо крест, целовать который Пинхус отказался. Жену его Лею оставили кричать и плакать над трупом, а пятерых дочек, младшей исполнилось четырнадцать, старшей – двадцать два, вывели из дома на улицу, тридцать казаков помоложе окружили их плотным кольцом.

– Красавицы, козачество желает вас угостить! Кто из вас выпьет чарку доброй водки и закусит славной колбасой, приготовленной с чесноком и перцем? Ей-богу лучшей колбасы не найти на всей Украине, сам хряка откармливал, да для доброго дела три дня назад и зарезал. Петро, неси горилку, неси кружки, тащи колбасу! Что говорят? Не волям, говорят?! Ну, втеди, братцы, тащи из дома перины, вали их прямо на дорогу, мы их сейчас через другое место казачьей колбасой угощать будем!

Затрещали разрываемые сорочки, плачущие в голос сестры были повалены на тряпье прямо на улице, девичья кровь текла по бедрам, горилка – по козачьим лицам, лилась на грудь, на живот.

– А вот давай, Микола, тренироваться в сече. Кто с одного раза не сможет жиденку голову срубить – тот баба и должен ты будешь мне перстень свой отдать!

– Чего это я баба?! Ты ври – не завирайся, а ставь против моего перстня пистолю, которую ты из Крыма привез, которая вся в узорчатых накладках да камнях! – живо откликнулся на предложение Петра Хорунжего Микола Непийвода.

Друзья-помощники стали по двое подводить еврейских мальчиков 10—13 лет к Петру и Миколе. Те стояли с саблями наголо, скинув кафтаны, сабли сверкали в воздухе, описывая

круги. «Раз! Раз!» – еврейчики охнуть не успели, громко ойкнул кто-то из ожидающих своей очереди. «Раз! Раз!» – славная работа, худенькие шеи легко рубились. «Раз!» «Микола!» – кто-то окликнул молодца, Микола покосился на голос, сабля пошла криво и всего лишь срезала у Мотеле левое ухо.

– Ой-ёй-ёй-ёй! – заорал Мотеле во весь голос, прижимая руку к ране на голове и пытаясь поднять отрезанное ухо из уличной пыли.

– Ой-ой! – заверещала вся ребятня, которую приготовили к расправе.

– Ой, дупа пердолёна! – выругался Микола и одним ударом снес Мотлу голову.

– Ну, Микола, уговор – отдавай перстень! – а тот с одного удара валил и валил еврейские головы – Бореле, Гиршеле, Хаймеле...

Прямо на улицу выносили книги из еврейских хат, складывали костер. Туда же подбрасывали свитки Торы, отламывали мезузы от косяков дверей и тоже бросали в костер. Смоченный горилкой из ведерной бутылки, костер хорошо разгорался. Кто-то из козаков пытался бросить в него и мебель, но православные не дали гореть мебели – растащили по хатам. Из дома в дом сновали женщины и мужчины, в хохлячьи мазанки перекочевывала посуда, сундуки, перины и тряпье – вещи полезные, а евреям все одно уже не нужные.

– Разлеглась тут, смотри, ей скоро жиденка рожать! Хватит уже ваших на Украине, досыть! – удар саблей пришелся по животу Двойры вдоль. Потом пошел в дело кинжал и младенец под истошный крик матери был нанизан на пику.

– Ну-тка, Гнат, принеси мне быстро кошку либо какую, я пока веревки приготовлю.

Пока Гнат искал и волок кошку, руки у Двойры связали за спиной.

– Да прекрати ты верезжать, надоела! – и держа кошку рукой в перчатке (царапается, зараза!) засунул кошку в живот и перехватил живот веревкой в двух местах. От криков Двойры, от кошачьего визга не спасал козачий гогот.

Культурный город Львов, театры, кино, магазины «как в Европе», есть и книжные, а как же люди ведь читают. Издаются газеты. Чисто, культурно в Львовских парках, да и на горбатых улочках никто не бросит окурок или бумажку на тротуар – не москали ведь. Сидит народ в кавярнях, каву черную або с молоком заказывают – пирожное запить. Не, не так, как у москалей, по-другому – чисто, культурно.

Город старинный. Сначала под князем Галицким, потом была Австро-Венгрия много веков, чуть-чуть Западно-Украинская народная республика, но уж совсем чуть-чуть, а вот и стал Львов польским. Польша тоже культурная страна, европейская. Кинотеатры, кавярни... Рухнула Польша в 1939 году, пришли червоноармейцы, а с ними Советы. Рассорился Гитлер со Сталиным и через два года, 30 июня, вошли в город немцы.

Ведь сколько лет таил в себе галичанин огромное желание пнуть еврея ногой прямо на улице! А приходилось сдерживать себя – вдруг еврей тоже его пнуть хочет? А то еще к полицянту за помощью обратиться – не славно получится. А тут – на тебе! – прямо на улице, на глазах зевак, под жопу ему, под жопу! А немецкий солдат смотрит и так одобрительно улыбается. Подножкой подсесть, чтоб свалился на тротуар, лежачего и бить удобнее.

Тротуар заплеван, а город-то культурный. Пусть выходят евреи из своих квартир, захватив тазики с водой, мыло, зубные щетки. Культурный город должен быть чистым, на колени, жиды, и драйте тротуары зубными щетками, ползая на коленях! А ведь хорошая идея – раз идет галицианское гуляние, пусть все гуляют! Вот жидовка куда-то спешит, взгляд затравленный... На колени, песья кровь, на колени на тротуар! Руки подняла над головой и спешит по своим делам на коленях! Досыть, натерпелись вашей жидовской влады, постояла ненька-Украина перед жидами, москалями, краснопузыми на коленях – походите теперь и вы так!

Гулять, галичане, гулять! Будет весело! Вот сейчас эта толстая тетка разденется, оголит свою дряблую дупу, вислые сиськи – посмеемся. «Пани Ганна, правда ведь смешно смот-

реть на это дряблое жирное тело? Подемте на ту сторону улицы, там раздевается жид-жир-дядя, посмеемся немного, потом я вас кофе угощу, у Ковальского в кофейне такие рогалики сегодня – с ума сойти от одного запаха!»

«Ох и свиньи, вот уж свиньи! Приказ гауптмана – не мешать гулянию украинцев, пусть творят с этими юде что угодно – не вмешиваться, только наблюдать. Ох ты, какая красotka, раздевается прямо под веселые крики толпы. Молодая, симпатичная, такое не во всяком варьете увидишь! Интересно, волосы на голове у нее крашенные? Ну, точно – на голове волосы рыжие, а курчавый треугольник внизу живота черный. Вот же нация – без обмана никуда. То ли дело моя Марта – блондинка снизу доверху и никакого пергидроля!»

Мать с дочкой, дочке не больше тринадцати. «Раздеваться! Живо!»

– Как вам не совестно, что же вы делаете, люди вы или нелюди?! – девчонка стесняется.

Раздевайся, показывай, все равно домой тебе сегодня не спешить. Нет, это тебе не времена «злого Хмеля», никого на улицах убивать не будут – галичанские гуляния! И насиловать не будем. Но разве что иногда, для этого в подворотню зайти можно, мы же не звери, по-собачьи и на людях, как кобель сучку. Эх, ни разу я еще не был первым, а тут вот оно – как туго идет. Проститутки-целочки так дорого стоят! Или вот моя Вандочка – я у нее не первым был, обидно немножко. А евреечка... маленькая, а сиськи уже прихватить есть! О-о-ох ты!

А теперь в колонну их сбивай, в колонну и на Городоцкую, а там и Бригидка. Сколько украинцев трекляте НКВД в той тюрьме закатовало, а НКВД – все до одного жида. Ох, мало погуляла Галичина, мало! Но ведь как культурно все, зачем любимый город пачкать кровью, к чему убивать по одному... В тюремном дворе гораздо удобнее это делать из автоматов и пулеметов.

Гуляй, галициане, любо!

Ну какие могут быть счеты между соседями? В местечке сосед – зачастую ближе иной родни, нет? Двоюродный дядя Менаше где-то далеко в Бобруйске, а соли или дрожжей попросить придешь здесь, к Анфисе-белошвейке, Лейбушу-пекарю или к Янке-водоносу. В конце-концов, какая разница, живет рядом с тобой еврей, русский или белорус? Бог любит все свои создания, лишь бы заповеди соблюдали, да на церковь жертвовали, сколько священники просят.

У Хавы и Маруси домишки на тихой улочке на самой окраине местечка, как раз один другому напротив. Очень удобно – перед домиками одинаковые палисады, на улице одинаковая пыль летом, одна и та же грязь осенью и один на всх снег зимой. За домиками – одинаковые огородики с бульбой, луком и капустой, а пацанам: Мотлу и Ваське их поливать и полоть. Выйдут мальчишки из дома – сразу на пустырь, благо, окраина местечка близко и пустырь тот рядом. Попробуй только начать игру перед окнами домов на улице – матери быстро тебе заделье найдут – горох лущить или зыбку с сестрой качать, уж лучше с материнских глаз долой.

Нет, дружить пацаны не дружили. Начнут в лапту или чижа играть – обязательно сначала поспорят, а потом и по шеям друг другу надают. То Васька с разбитой Мотлом губой ходит, то Мотл хромает – Васька ему по ноге кубариком славно заехал. Главное, чтоб матери ничего не знали. Но если кто с другой улицы попробует обидеть Мотла или Василия – все недавние распри моментально забыты и мальчишки не только выступают вместе против общего врага, а при необходимости Мотл зовет на помощь свою шайку из хедера или Василий призывает своих бандитов из приходской школы. Мало кто отваживался зайти на эту окраину, редко кто из местечковых парней заходил женихаться к тутейшим девкам.

Сказать, что Хава и Маруся были дружками – то было бы глупо И только полный дурак, мишугинер копф мог бы сказать, что Иван и Гирш дружат. Один мукомолит на мельнице, другой балагулой при лошади – какая тут дружба? Ну, бывало, что после бани зайдут

они в пивную, Иван Гирша пивом угостит, Гирш достанет бейгель с форшмаком или соленые коржики, что Хава к пиву испекла... А потом оба и недовольны:

– Гой – он гой и есть! Кружку пива, когда Хава столько коржиков напекла и мне в котомку сложил – угостить соседа!

– От жидовская морда, никогда ни чекушку, ни тебе мерзавчика не проставится, все своими харчами отделаться норовит, будто я форшмак никогда в жизни...

Гирш Василию на Пейсах:

– Хаг sameах! Лехаим, сосед!

Василий Хаве на Пасху:

– Христос воскрес! – и лезет целоваться.

Ну, тут-то пацанам проще было: и Мотл на Пасху крашенные яйца катал, и Васька на Пейсах мацу уплетал вместо печенья.

То и минуты ползут, а то и годы летят. У мальчишек обязанностей прибавилось: Мотлу за мелкими братьями приглядывать, Василию та же забота. Так-то матери добрые, но руки у них, случись что с мелочью пузатой, тяжелые, так что смотри в оба. Учебу один в хедере, другой в церковно-приходской школе закончили. Гимназия, реальное училище и ешибот не для такой голытьбы, туда деньги относить надо, а копейка семье нужнее. Ну и отправили Ваську подмастерьем к электрику, как раз такой появился в местечке – провода по комнатам растаскивает да лампочки хитро так в них вкручивает, в провода. А Мотла отец решил освободить от кручения лошадиных хвостов, отправил на выучку к Янкелю-портному. Год прошел – Мотл уже отлично мог пороть хоть пальто, хоть пиджак, да хоть бы и брюки. Мотл порет – Янкель перелицовывает. Конечно же, и малыш Янкеля требовал внимания от Мотла – переодеть в сухое, покачать, чтобы не орал – мало ли. А жена Янкеля? Она без Мотла, как без рук – на базар за крупной или там, за селедкой, кошку не пошлешь – а Мотеле легко сбегает. Да еще он, если хозяйка стирку затеет, белье прополоскает, а убираться в комнатах хозяйка начнет – Мотеле всегда комнаты подметет, полы вымоет, да еще на кухне посуду перемоет. Но посуда – то не считается, посуду он все равно каждый день моет.

Но однажды в понедельник не досчитался Янкель-портной трех рублей в своем кошельке и Мотла-подмастерье среди домочадцев. Дома у Хавы и Гирша Мотла тоже не было, по лавкам или на базар его никто не посылал – куда делся? Через три дня Васька, не вынеся криков и плача Хавы, сообщил ей, что мотек ее, ее Мотеле, этот шлимазл и горе луковое уехал аж в Одессу, где у него есть дядька – двоюродный брат то ли Хавы, то ли Гирша, может через Сарру с этим братом роднятся, а может быть вовсе даже через Менаше, что живет в соседней деревне.

– Какой брат?! Что за дядька?! Откуда он взялся на нашу голову, этот родственник?! Мы и адреса его не знаем, и писем от него в жизни не получали, а писать сами никогда и не пробовали!

Васька важно отвечал, что знать о родне Мотла, тети Хавы и дяди Гирша ничего не знает и знать не обязан – это ведь не закон Ома, который каждый электромеханик обязан знать так, чтоб от зубов отскакивал, правда? Но Мотл сказал ему, что того дядьку обязательно найдет и дядька его, Мотла, обязательно в люди выведет.

После таких Васькиных слов Хава зарыдала так, что чуть ли не половина местечка собралась у ее домика, а Гирш крепко задумался и сделал это, кажется, в первый раз от рождения. По крайней мере вид у него был такой, как выглядел царь Шломо, когда разгадывал загадки царицы Шебы.

Если жизнь берет человека за бейцы, так она еще норовит их сжать в своем кулаке, как будто ей будет от этого особенного удовольствия. У российского царя образовалось много патронов и он решил ими немного пострелять. Он решил немного пострелять в японцев, наверное, японцев ему было не очень жалко. Но те совсем не хотели, чтобы в них стреляли за про-

сто так и в свою очередь стали стрелять солдат, что царь прислал на Дальний Восток. А среди солдат, которых царь забрал из дома по мобилизации, оказался Гирш.

Воинский начальник от имени царя-императора сказал, что с японцами ему без Гирша никак не справиться и уже надо ехать. Ехать – так ехать, тем более, что сказать «Нет!» это был не вариант. И надо было Гиршу приезжать именно на Дальний Восток, и именно в то время, когда японцам приспичило пострелять!. Вот и получилось, что японцам приспичило стрелять, аж зубы свело, как захотелось, а Гиршу ничего не хотелось, кроме к Хавае под бочок, но он ехал мимо и поймал таки пару пулек. Еврейское счастье – что, не могла эта пара пуль попасть куда-нибудь в руку, ногу или, скажем прямо, в тухес? Нет, они угодили Гиршу в голову, чтобы у Хавае не стало мужа, а ее дети: Мотл, Ривка и Нахум стали сиротами. Положим, Мотл сирота или нет – неизвестно, о нем самом уже пять лет ничего не было слышно.

Ничего не слышно? Так услышьте, потому что в местечке появился Мотл. Он приехал к своему дому в шикарном автомобиле, одетый в прекрасный клетчатый костюмчик-тройку, Янкель-портной внимательно запоминал все складки, шлицы и отвороты того костюма. Постаревшая, поседевшая Хава, она сперва потеряла сына, потом потеряла мужа, и вот нашла потерянного сына, она повисла на выросшем Мотеле, на ее мотеке, как флаг на флагштоке у полицейского участка.

Через половину часа мать с сыном вышли из дома, Ривка которой уже было почти 17 и Нахумчик, который с прошлого года мог составить миньян наравне со взрослыми мужчинами, шли сзади и держали по две корзины каждый. Эта семейка сделала таки набег на лавочки местечка, покупая и бакалею, и колониальные товары, и не забыли купить новых башмаков Нахуму, платье и пальто Ривке, новую кофту Хавае. «А завтра придем и купим все, что там еще надо и что полагается», – сказал Мотеле, на которого восхищенно смотрели мать, брат и сестра и те евреи, которым удалось это видеть.

Пили чай с халой, с гусиной пастромой, с красной икрой и еще много всякого вкусного было на столе. Мотеле открыл штопором бутылку вина, налил себе бокал, Хавае половину бокала, Ривке чуть меньше половины, хоть она совсем не просила, а увидев глаза Нахумчика, Мотл улыбнулся и плеснул и ему вина в отдельный бокал. Кадиш по Гиршу прочитали, повторяя слова молитвы за Нахумом. А потом Мотл рассказывал, рассказывал, как он жил в Одессе, какой это чудесный город, что за чудо – искупаться в Черном море, или порыбачить и поймать в море султанок. А каких чудесных людей можно встретить на одесском «Приводе», и как они заботятся о том, чтобы Мотлу было, что кушать и было, что одеть на себя и летом, и зимой. Часто звучало от Мотла «японец, японец» и каждый раз бедная Хава вздрагивала.

– Он что, действительно японец? – наконец-то спросила мать.

– Ой, мамеле, что ты, нет! Мойше вполне себе еврей и даже ходит в синагогу и жертвует деньги на хорошие дела. Просто у него такие глаза, как будто у японца, такие чуть узкие. Ну, его и зовут «Мишка-японец». Что-то устал я немного, может быть сестричка постелит мне кровать и мы уже станем спать? Завтра у нас так много дел!

Дел было так много, что почти месяц семья ходила из одного магазина в другой, дай Б-г, чтоб у Мотла денег не кончалось никогда, такое это приятное занятие, покупать разные нужные и не очень вещи маме, сестре и брату.

Я уже говорил про жизнь и бейцы? Погром в Кишиневе, погром в Одессе, погромы в маленьких штетлах... У царя не получилось с японцами, а виноваты евреи? Да если бы не газеты про войну, не мобилизация и не поезда с ранеными, которых привезли с фронта, евреи и не знали бы, что есть такие узкоглазые и желтолицые люди!

Толпа как-то лениво разбила пару витрин у магазинов в центре местечка и двигалась на окраину, где и жили-то в основном евреи. Большая толпа, улица была запружена народом от края до края.

– Стойте, господа погромщики! Вам надо развернуться и двигаться отседова обратным ходом. Я вас не тороплю, но уходить отсюда придется. На выбор вам предлагаю: лишняя дырка в голове – можете идти прямо. Кто хочет иметь поломанных ребер должен повернуть направо в тот переулок, ребра ломать там. Налево ломают ноги. Выбор небогатый, но он есть.

Из толпы погромщиков вышел здоровенный такой молодой мужик, в руках которого была здоровенная толстая палка из бука, толщиной с руку:.

– Это что за дела, ты кто такой?!

– Да то никак Васька? Привет, это я, Мотл, и я совсем не шучу. Посмотри на мои руки, ты в них увидишь по нагану. А там за моей спиной есть еще ребята. Так у них есть и берданки, и охотничьи ружья и даже пара-тройка пакетов с динамитом. Я совсем не хочу, чтобы здесь были кровь и человеческое мясо, поэтому уходи.

– Мотл, как я уйду? За мной стоят люди и они хотят разобраться.

– Они «хотят разобраться» – значит у евреев опять должны быть биты морды? Не пойдет так, я сказал!

– Мотл, мы ведь сметем вас, как запруду в большую воду!

– Может быть, может быть. Но у меня 2 револьвера по 7 патронов в каждом. Даже пусть я не успею перезарядить, 14 человек лягут тут навсегда. Если ты найдешь 14 добровольцев, которые охотно встанут передо мной, чтобы получить по пуле в лоб – тогда может быть... Ну что значит «может быть»? У тех, что за моей спиной, они называли себя «Хагана», у них есть револьверы-бульдоги и винтовки-берданки. Я так думаю, что они и меня пристрелят, если только я позволю тебе пройти. Ты только посмотри, вот один из тех стоит рядом со мной и как он зло смотрит на меня! – Мотл стал смеяться, только смех у него выходил сухим, деревянным. Ты сказал, что за тобой стоят люди, которые хотят разобраться? Перехочут! Налей им водки и пусть разбираются. За мной тоже люди – там моя мама, моя сестра и мой брат. Хватит, разворачивайтесь и по домам!

– Ну, Мотл, попомнишь ты меня, мало я тебя бил в детстве, надо было тебя тогда еще прибить навсегда.

– Василий, и не мечтай!

После гибели императора Александра II Освободители погромы прошли-прогремели по России, оставив после себя мертвые тела, изломанные судьбы, а бывало и анекдоты. В Хелме... а что в Хелме? В городе евреи сидели по своим домам, по своим лавкам (у кого они были) и боялись. Боялись и тряслись так, что звенела стеклянная посуда на полках. Была бы посуда хрустальной – звенел бы и хрусталь. Какие анекдоты? Ну какие анекдоты когда вокруг летают перья из распоротых перин, льется кровь из разбитых носов, на кухнях стоит вонь от залитых маринованой рыбой печей, от сожженных в тех печах пейсов...

– Выходи, сволочь жидовская! – в маленький домик лавочника Меира Вольфа ввалились сразу пятеро, глаза мутные – легко ли третий день пить самогонку и таскать хабар из еврейских домишек по своим убогим хатам?

– Господа, господа, прошу вас, господа! Вот, попробуйте – отличная водка! Да я и денег вам приготовил, возьмите, только не трогайте, прошу вас, мою девочку, мою сладкую!

Старый Меир Вольф стоит на коленях, плечи покрыты талесом, на левой руке и на лбу филактерии – просил Меир Б-га отвести беду от его дома, да видимо, есть у Б-га дела и поважнее, чем защищать его дом и семью от погрома. Катится погром по черте оседлости, заливают Царство Польское, поддерживают погром в Румынии, в Австрии с Венгрией, не отстают царство Болгарское.

– Аби, встаньте с колен! Что значит «не трогайте» – погром есть погром, я не хочу потом краснеть перед соседями!

В комнату, что была позади лавки Меира вошла его дочка, незамужняя тридцатилетняя Баська – шесть пудов чистого золота.

– Господа погромщики, кто первый?

В раскачивающуюся спину крепкого молодого парня впились Баськины острые ногти.

– Ой, тетя, отпустите, я больше не буду!

– Будешь, сволочь, еще как будешь, – ногти впиваются в спину сильнее и сильнее.

Под истошные крики громили лавка опустела мгновенно, только тряслась спина Меира Вольфа, покрытая талесом, Меир заходил в беззвучном плаче.

Идет погром по Российской империи, разливается по Хелму, только на маленькую окраинную улицу, на которой стоит домик раввина, не течет. А что тут странного? Погромы и не начинались, еще ничто беды не предвещало, только-только бомбисты разорвали императора, позвал раввин в свой домик двух кантонистов.

Один, Нахум Соколов, видел адмирала Истомина, когда тот обходил со своей свитой Севастопольские укрепления, удачно так пережил бомбардировки англичан и французов. Мог бы жить Нахум хоть в Москве, хоть в Санкт-Петербурге, да вернулся в родной город, где у него уже никого и не было. Стоило только кому-то из евреев попенять Нахуму, мол и субботу не соблюдал, и свинину, ясно ведь как днем, ел – да после отповеди, которую дал раввин дураку, никто слова обидного Соколову не сказал.

Второй кантонист, Яков Пейсах, помоложе был, только что из Болгарии вернулся, под Плевной в атаку ходил, после чего турецкая пуля у него в груди крепко сидела, сам Склифосовский не решился ее из груди вырезать.

О чем там говорил раввин с кантонистами – кто его знает, но после той беседы каждый день собирались молодые и средних лет евреи на улице с крепкими палками и занимались с ними Нахум и Яков физическими упражнениями, да еще бегали они в рассыпную, ходили строем и выполняли разные команды отставных кантонистов. А по христианским приходам, среди православных, да и среди католиков, появились слухи, что если появятся погромщики на улице раввина – у жителей не только палки, но и пара наганов есть, так что лучше бы им там не появляться.

И все бы славно, все бы тихо на улочке... Боятся конечно, переживают. В комнатах тесно, многие из других концов города приехали навестить друзей и родственников, да так и задержались, не торопятся домой возвращаться. А Ривка возвращалась домой, когда уж стемнело – работала она допоздна, ну разве барышня за пишущей машинкой хозяину может отказать, если надо поработать сверхурочно? Да и деньки у молодой еврейки могут ли быть лишними? Ну а как встретили ее гопники, ножом сверкнули в лунном свете, Ривка-то сдуру как закричит: «Ура-а-а!» Гопники почему-то сразу убежали, а Ривка никак подругам объяснить не могла – чему она так обрадовалась?!

Красная Армия заняла в 1939 году ту часть Польши о которой Молотов договорился с Риббентропом. Там, кроме украинцев и белорусов, оккупированы были местечки с польским и польско-еврейским населением. Двадцать второго июня 1941 года из такого местечка на восток отступил батальон НКВД, даже не пытаясь принять бой, так ведь не принимать бои создавались эти войска? Уже 23 июня в местечко вступили немцы. Может быть советским с Востока местечко казалось городком, но то была самая обычная вёска: три улицы, два кладбища, костел и синагога, один магазинчик и одна кавярня. Жизнь городка вертелась вокруг урожаев зерна, укосов сена, надоев молока. Важно было, кто владел земельными наделами, а кто нанимался в батраки, а не кто верил в Единого Бога, а кто в его Сына. Не стали немцы оставлять в местечке гарнизон, даже комендатура была в ближайшем мясте – центре повята.

В теплую июльскую ночь деревушка погрузилась в сон. Около полуночи из польских домов стали выходить мужики и парни, несколько теток составили им компанию. У кого топор,

у кого полено, ножи, вилы – мало ли подходящего и удобного найдется в крестьянском хозяйстве? Разошлись по деревне деловито, никто не спрашивал соседей, ждут ли они гостей – ломали двери, разбивали окна – входили в дома, как кому было удобно. Большой крик поднялся над вёской, козаки Хмельницкого в свое время не зашли в нее, миновали, так не прошла беда мимо евреев в ту ночь.

– Матка боска, башки лопаются как арбузы – хресь, хресь! Чисто, как абузы! Дрыном по голове – одного удара достаточно – хресь!

– Обухом топора очень удобно – хоть по лбу, хоть по затылку...

– Надоело ножом по горлу – можно в грудь, но обязательно слева. А Ванда вилами, вилами – и в окошко. Но это только малых, до 3-х лет. Если старше, то тяжеловато. В живот – и сразу в окошко. Кто-то сразу сомлеет, а большинство верезжат потом, так забавно!

– Я Ицика ее сразу кочергой, штырь прямо в глаз ему вошел, он вверх лицом спал. А Рахилька смотрит на меня испуганно, я одеяло откинул – голая, видно только-только кохались. Соскочила она с кровати, бух передо мной на колени: «Не убивай меня, Войтек, не надо! Спаси, Войтек, я тебя сейчас по-французски люблю...»

– Войтек, по-французски, это как?

– Расстегивает она мне штаны, у меня пипа и не стояла совсем. Так она ее в рот и смоктать, и насасывать, как леденчик на Пасху. Пипа моя приободрилась у нее во рту, приятно так смокчет, облизывает, яички языком щекочет и все приговаривает: «Какие бейцы сладкие, Войтыку, милый, ты ж не будешь Рахиль убивать, правда?» А у меня, чувствую, все уже подступает! Неужто, думаю, в рот все примет? Як за здраво живем, все ей в рот пошло, чуть не захлебнулась, бедолага! Ну, пока пипа моя у ней во рту была, я опасался, а как кончил, да она оторвалась от меня на минутку «Тебе же хорошо было, Войтыку, правда?» – тут я ее кочергой прямо по черепушке сверху – хрипнуть не успела!

– Ну ты, Войтек, хват! И мужику в глаз, и бабе в рот, да еще по голове ей!

– Вы бы, панове, видели, как поленом Стах орудовал! Он, оказывается, три дня ручку у полена вырезал – топором обтесывал, потом ножиком доводил и теркой выглаживал. Говорит, чтоб мозолей не оставляло. Мужчину в доме с двух ударов заваливал, потом за баб и детишек принимался – тех с одного удара.

– Юзек, ты как?

– Я сегодня в свою коллекцию добавил сразу пять целочек!

– О! И кого же пан попердолил?

– Настоящий пан никогда не откроет имя женщины, которая была к нему благосклонна! Сначала я расколол башку Хаиму Вершекеверу и две его дочки 13 и 14 лет, Циля и Саррочка, были к моим услугам. А в соседнем доме Янкель-сапожник даже не охнул, так ловко я перерезал ему горло. Так у него целых три дочки. И знаете, что интересно? Старшей почти 18 лет, так она тоже была целочкой!

Летом светает рано, рассвет еще не начинался, но небо уже серело. Мужчины ожидали на улице, пока совсем уж молодые парни, не старше пятнадцати, лет сгоняли из домов уцелевших евреев. Женщины местечка помогали сыновьям, но большей частью деловито сновали, таская вещи из еврейских домов по своим подворьям. Тащили все, кому-то удавалось быстро найти шкатулку с семейным золотом, серебром, камнями, дешевенькими, но все же. Платье, постельное белье, мебель – в крестьянском хозяйстве все годится!

Крестьяне умеют и любят работать, скоро на улице местечка была выстроена колонна из евреев, в основном женщин и детей, были там и старики, несколько мужчин, почти не пострадавших при налете. Колонна двинулась на окраину, к большому сараю пани Ядвиги Ковальской, специально освобожденному накануне от всякого хлама. Евреев под крики

и стоны затолкали внутрь – вошли все, и закрыли дверь. Из большой бочки с бензином несколько добровольцев черпали ведрами и поливали деревянные стены.

– Лесь, где взял бензин?

– Вчера съездил в повят, поговорил в комендатуре. Полное понимание, полное! Даже помогли погрузить на телегу!

– Молодчик, Лешек!

Пара десятков деревенских охотников с ружьями выстраивалась кольцом, окружая сарай пани Ядвиги.

– Все готовы? Зажигай!

Рассвет загорелся ярким пламенем огромного костра, из которого шел звериный вой. Деревня стояла молча, наблюдая. Рухнул маленький простенок сарая – прогорели тонкие доски стены.

– Все же надо было натаскать хотя бы валежника и соломы!

Когда в простенке появилась чья-то фигура из сарая – разобрать за дымом и копотью, кто это был: ребенок или взрослый, старик или молодая женщина, было нельзя, сразу трое или четверо охотников изрешетили фигуру картечью и крупной дробью. Охотникам приходилось показывать свое мастерство еще четырежды.

Счастливые люди

Шауль умирал счастливым человеком. Синагога, в которой служил он шамесом, выстояла без потерь во всех передрягах российской жизни: революция и погромы, война с немцами и австрийцами, снова погромы и революция, и снова война, красные вперед – поляки бегут, красные бегут – Пилсудский наступает. Главное, что свиток Торы цел и невредим, ему ведь уже несколько столетий. И будут его доставать каждую субботу, чтобы прочитывать очередную главу, и будут носить его по кругу в праздник Симхас Тора, и будут любовно поглаживать резной деревянный футляр, в котором хранится святой свиток.

И ведь не только свиток Торы пережил бурное время, в синагоге и в шкафу дома у Шауля стоят тома Раши, Рамбама, га-Наси. Нет, Шауль никогда не путал общинный карман со своим – удавалось приобрести книжную мудрость на общинные деньги или на пожертвования – книга стояла в синагоге, а если удавалось выкроить деньги из скудной семейной копейки – ей почетное место в доме Шауля.

Два старших сына, Хаймеле и Гиршеле, не только в талмудторе и хедере хорошо учились, оба успешно окончили ешибот и служат раввинами. Как учиться без книг? Куда заглянет раввин, когда еврей задаст ему вопрос, на который и сам царь Шломо затруднится ответить? Вот и покупал книжную мудрость отец, чтоб сыновья могли учиться, и потом сами учить. Счастливый человек Шауль, счастливый. Умирает рано – две дочки-подростки замуж не выданы, мизинкл Йоселе только-только стал участвовать в миньяне, но нельзя огорчаться на Б-га, значит так записано в Книге.

Счастливым человеком прожил Шауль, всегда у него в доме был кусочек кугла, к субботе жена готовила чолнт, иногда на обеденном столе появлялась гусиная шейка. Всегда ему было что надеть: чистую выглаженную рубаху, на стареньком лапсердаке ни одной дырочки, все заштопаны, а сапоги начищены. И это все Хава, чудесная Хава, как же повезло счастливчику Шаулю, что родители нашли ему такую жену! Весь дом и дети на ней, Шауль спокойно может идти в синагогу или читать комментарии Раши дома – бульон с кнейделах стоит на плите, лоскутные дорожки и половики дома выбиты, дети, слава Б-гу умыты и накормлены и никто из них не ходит обедать к чужим людям. Наоборот, всегда какой-нибудь мальчишка их хедера столуется у Шауля, а если в местечке появляется заезжий еврей – он может найти в доме Шауля топчан переночевать и талес, чтобы совершить утреннюю молитву.

Жизнь стала другая, совсем другая. Раньше были евреи и гои, среди которых были поляки, русские, австрияки и много других – люди как люди. Признаться, и среди евреев встречались как мудрецы, так и подлецы, что уж говорить про этих сектантов-христиан? Да и евреи – среди них веселые хасиды, цадики которых носят красивые меховые шапки, и есть среди евреев митнагдим, которые вечно спорят с хасидами. В конце концов, Шабтай Цви тоже был еврей, пока не стал турком-муслимом. Но все евреи носили ермолки и лапсердаки, чулки с тяжелыми башмаками, творя молитвы, они надевают талес и заплетают филактерии, под верхней одеждой у них надет арбакантес, с которого свисают нити цицот и на цицот ровно 613 узелков, по числу заповедей. Борода обязательно, пейсы завиты... А теперь?! Бритые бороды, вместо пейсов бакенбарды, сказать стыдно, но не только слова молитвы на святом языке многие не повторяют, мамелошн-идиш не все понимают!

А о чем спорят, о чем ведут разговоры? Ехать в Страну или строить коммуны здесь? И это вместо того, чтобы прочитывать «Шульхан арух» и разобрать вместе трудное место в Талмуде... Мир точно сошел с ума и даже хорошо, что Шауль больше не будет на это смотреть.

Счастливый человек Шауль, вот если бы болезнь не причиняла ему такие боли... Но ведь все от Б-га, а боли можно и потерпеть. А Б-г не оставит Хаву своими заботами, а уж Хава позаботится и о Голде, и о Малке, и о мизинкле Йоселе.

Кадиш прочитан, счастливая женщина Хава, стать вдовой такого уважаемого человека! Конечно, похоронное братство могло бы не брать с вдовы такие деньги за похороны, но ничего. Придет Машиах, Шауль точно будет сидеть в кресле в саду среди праведников, а Хава будет скамеечкой под его ногами – счастливая женщина. Старшие, Хаим и Гирш уже устроены, далеко-далеко, уже за границей в Литве они служат раввинами.

– Девочки, Голда, Малка, надо устраивать жизнь...

– Мамеле, я уеду в Ростов, там начинается строительство большого завода и наша комсомольская ячейка выписала мне путевку на строительство, – с Голдой сейчас спорить бесполезно, все свободное время она проводит со своими комсомольцами. Выдать бы ее замуж, сосватать за хорошего еврея, да где там – и слышать не хочет.

– Мамочка, а я поеду в Минск и буду поступать в университет. Мне ячейка выписала направление на рабфак, выучу русского языка, математику и что там еще надо и обязательно стану адвокатом!

– Да, девочки, жизнь стала другая, совсем другая. Йоси, мальчик мой, а ты?

– Мама, для начала я пойду в школу, надо учиться. Учиться сначала в школе, чтобы потом учиться на врача.

Счастливая вдова Хава – все трое хотят вылететь из родного гнезда, чтобы учиться, жизнь стала совсем другой – никто не хочет носить лапсердак и пейсы, покрывать голову и плечи талесом, плести на левой руке филиakterии и проводить ночи со свечой за чтением «Шульхан арух».

Много лет прошло, много. Малка построила свой завод в Ростове и стала большой партийной шишкой в городе. Голда сумела стать адвокатом и работала юрисконсультком на том заводе. А Йоси таки стал врачом, сумел ведь выучиться! И счастливая Хава уже нянчит внуков. Ну, конечно же, вместо зятьев-гоев и невестки-гойки могли бы взять приличные партии среди евреев... Но уж это точно не делает Хаву несчастной, совершенно точно! А внуки – Аркадий и Левчик, Элла и Миша... Что поделат, если имена Арье, Борух и Моше стали немодными? Совсем другая жизнь, совсем другое время и Шауль должен был бы понять, как все изменилось. Как хорошо, что все живут в Ростове, полчаса—час и все могут собраться за одним большим столом. Зятья и невестка гои, но ведь среди них тоже много хороших людей, грех жаловаться!

– Голда, ты знаешь, я ведь сходила на спектакль, который привез в Ростов театр из Биробиджана! Давали «Тевье-молочника» на идиш и я все-все буквально понимала! – Малка была радостно возбуждена и торопилась поделиться своей радостью с сестрой и братом.

– Ой, сестрички, недавно я взял в руки книгу на идиш, попал мне на глаза томик Маркиша – я не смог прочитать ни одного слова. Нет, что-то я, конечно же, прочитал, но... но я понял, что мой мамелoшн потерял! Столько лет без языка – война, потом военные гарнизоны – почти 40 лет и языка нет, как нет!

Счастливица Хава, счастливые Малка, Голда, Йоселе – но нет ни одной весточки от Гиршеле и Хаймеле – пропали во время войны вместе со своими семьями и только сердце болит, когда представишь, что могли пережить они в последние минуты.

Счастливый человек Аркаша – сын таких родителей, а какие у мальчика тетки – и все его любят, все балуют! Ну как же – он один носит фамилию своего деда, ведь у детей Малки и Голды фамилии их отцов.

– Папа, мне получать паспорт, я напишу в анкете «национальность – еврей»?

– Сынок, ты можешь писать, что ты считаешь правильным... Но если разобраться – с твоей русской мамой, не зная ни одного слова на идиш или на иврите, какой из тебя еврей?!

– Папа, я сегодня ночью слышал от «тети Сары из Тель-Авива» – наши вступили с нашими в воздушный бой и таки сбили три наших самолета! А придурок Васька из соседнего подъезда говорил, что всех жидов в Израилевке утопят в Средиземном море. Ты знаешь, папа, я все-таки врзал ему хорошенько, не знаю, кто кого будет топить, но две недели он точно будет

ходить с бланшем под глазом! А ты, наверное, выслушаешь от его матери, какой я скверный у тебя сын...

Счастливый отец Иосиф!

Длинный летний день

В городе висело тяжелое ожидание, за свою длинную историю он много раз переходил из рук в руки, от захватчиков к «прежним» правителям и затем к новым захватчикам. После нескольких переходов разобраться, кто захватчик, а кто законный правитель было уже невозможно, жители города философски относились к сменам властей. В окружающих город горах гремела летняя гроза, что трудно было отличить от далекой артиллерийской канонады.

У доктора Гробштейна требовательно заскрежетал механический звонок. Этим вечером доктор был в квартире один и сам открыл дверь – к нему на огонек заглянул приятель, Ежи Лещинский, филолог и декан местного университета. Друзья закурили – Моисей Гробштейн трубку, Ежи Лещинский сигару и расположились за столиком у открытого окна с бокалами коньяка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.